КАНЧЕВСКИЙ Игнат Владимирович (литературные псевдонимы: Игнат Абдзиралович - по имени и фамилии главного героя романа М. Горецкого "Две души", Ганная Голубянка) (1896-1923) - белорусский философ и публицист. В 1913 окончил Виленское реальное училище, учился в Петербургском технологическом институте, на филологическом факультете Московского университета, был слушателем Высших кооперативных курсов при народном университете имени А.Л.

Шанявского. После образования БССР переехал в Минск, где принимал активное участие в белорусском культурно-просветительском движении, а после создания в 1919 Литовско-Белорусской Советской республики - в Вильню. Скончался от туберкулеза легких.

Философские, социологические и общественно-полити-ческие взгляды К. изложены в эссе "Извечный путь. Опыты белорусского мировоззрения" (Вильня, 1921), характеризующемся оригинальностью философско-культурологического анализа, яркой образностью стиля повествования и глубоко личностным отношением к предмету рассмотрения - исторической судьбе белорусского народа. Работа К. тематически близка концепциям культурно-исторических типов

Данилевского, К.Н. Леонтьева, морфологии культуры Шпенглера, историософии Бердяева, но прежде всего характеризуется сильными экзистенциалистскими мотивами. Согласно концепции К., Беларусь на протяжении всей своей истории, начиная с 10 в. - времени крещения, - была ареной борьбы двух направлений (типов) европейской культуры - западного и восточного.

В результате этой перманентной борьбы возникло и оформилось специфическое белорусское национальное мировоззрение - "колебание между Востоком и Западом и искренняя неприязнь к тому и к другому являются основной чертой истории белорусского народа". В таком историческом наследии коренится "великая трагедия народного духа", которому отказывают в праве на самобытность, не понимая, что "вместе с белорусскостью мы теряем и лучшую часть человечности". Отмечая привлекательные для белорусов качества человека Востока - простоту, искренность, доброту, соответствие внешности внутренней сущности, и Запада - бóльшую объективность, способность к компромиссам, терпимость к чужому мнению, К. раскрывает причину, почему в итоге белорусский народ не делает окончательного выбора между европейскими культурами Запада и Востока.

Это сопровождающее всю его историю "насилие над нашими душами", которое

осуществлялось в разных формах: "Восток сразу захватывает много, Запад - по своей деликатности - меньше ...

Зато Запад - великий человек на малые дела, и его способности сильно отдаются на белорусской шее". Не соглашаясь со сложившимся мнением о неспособности белорусов выразить свой культурный идеал - поскольку они остаются в ситуации социокультурного выбора между мессианскими культурами Востока и Запада, - К. говорит о необходимости внутреннего культурного самоопределения и создания своих, национальных форм культурной жизни.

Сознавая сложность этого процесса духовного возрождения, К. предостерегает от возможности появления собственного, белорусского мессианизма - "как бы найденные формы новой белорусской жизни не стали для нас самих великой тюрьмой и издевательством". В этом плане наибольшую опасность представляет характерная и для Востока, и для Запада застывшая "форма жизни" - уклад, нормативная нерушимая модель социального и духовного бытия, сложившаяся в результате человеческой деятельности. Первооснова ее силы - в любви человека к плодам своего творения, в желании им вечного существования и, с другой стороны, в "корысти", т.е. выгодности формы. К. артикулирует факт приобретения формой тем большей нормативности, чем слабее развита духовность народа, хотя признает принципиальную необходимость формы - в ней заключена сущность материальной жизни. Однако, по К., следует стремиться искать формы, приспособленные к изменчивости жизни, эластичные, текучие. Истинная основа жизни, по К., - свободное творчество, пример которому можно найти в искусстве, которое "не имеет своего канона, не имеет утвержденных путей, образцов". К. дифференцирует понятия субъекта индивидуальной (человек) и социальной (народ, нация) деятельности: если отдельный человек может найти личное спасение в художественном творчестве, то в общественной жизни массы идут к социальному творчеству всегда только через политический переворот и революцию. Согласно К., это не лучший путь для народа, но единственно возможный в условиях, когда народ лишен свободы творчества и возможности развивать национальную культуру. Вместе с тем К. подчеркивает, что творчество масс основано на творчестве единиц, и революция без индивидуального творчества - лишь великая беспросветная смута, пример чему - Россия. Гарантировать возможность общественного творчества можно только в случае отсутствия чужого принуждения, для чего, соответственно, необходима политическая независимость.

В качестве оптимального варианта человеческого общежития и условия для возможности реального творчества К. предлагает кооперацию - "единственное общественное явление, которое без принуждения объединяет своих членов и не декларирует принуждения для других". В кооперации К. импонирует отсутствие "готовых рецептов улучшения жизни", какого-либо идеала, т.е. застывшей формы. Лозунг кооперации, по К., - "Твори.

Создавая - разрушаем". Тем самым, согласно К., свободное творчество человека становится единственным идеалом для всего будущего общества.

В.Т. Новиков, О.В. Новикова